

М. Ротбард

Этика Свободы

Предисловие к французскому изданию

Перевод с английского В. Зеленов

Факультет экономики университета штата Невада, Лас Вегас, NV 89154.
Написано для французского издания «Этики свободы», published by *Les Belles Lettres*, Paris, 1991.

Возможно, лучшим способом написания предисловия к французскому изданию «Этики свободы», которое я всячески приветствую, стало бы обсуждение того, что происходило с либертарианством с тех пор, как в 1982 г. эта книга была издана впервые. Всякое изложение такого рода должно содержать, во-первых, историю развития либертарианской теории и, во-вторых, рассказ о том, как она проникала в сознание и мировоззрение людей, а оттуда в человеческие институты.

Ни один подобный рассказ не может игнорировать самое яркое и даже самое чудесное событие XX века: революционный крах и

«схлопывание» социализма-коммунизма в Советском Союзе и в Восточной Европе. События 1989–90 гг. действительно стали «революционным моментом» истории. Как правило, социальные и политические институты представляются нам как бы застывшими, изменения в них происходят всегда постепенно, и делаются они почти невидимыми шажками. Но именно тогда, когда всякие надежды (или страхи) на революцию представляются слишком уж романтическими и утопическими, бах! — случается революция. Одной из особенностей подобных революций является то, что размеренный ход истории внезапно ускоряется до молниеносных скоростей и происходят такие изменения, которые еще несколько месяцев назад казались совершенно несбыточной мечтой. Роли отдельных исторических деятелей меняются столь же быстро, как во времена Великой французской революции; из-за простого стояния на месте вчерашний революционер за какие-нибудь несколько месяцев превращается в реакционера. Так, во время революции 1989-90 гг. мы увидели, как Горбачев, еще недавно шедший во главе революционных изменений, уже не поспевает за ускорившимся движением по пути к приватизации и свободной рыночной экономике.

Революция эффектно подтвердила либертарианскую точку зрения, которую я пропагандировал на протяжении многих лет: а именно — долгосрочный оптимизм. Моя позиция резко отличается от позиции представителей консервативного движения, которое, начиная с 1945-го и вплоть до прошлого года, основывало свою воинственную антикоммунистическую внешнюю политику на той ключевой и суровой идее, что когда страна становится коммунистической, она необратимо исчезает в черной дыре истории. Однако революция 1989 года убедительно продемонстрировала, что Оруэлл ошибался, что след сапога на лице человека — это не навсегда, и что дух свободы в человеческом сердце пылает так ярко, что никакое, даже тоталитарное, промывание мозгов — не способно его погасить.

Ошибка, допущенная консерваторами, стала следствием их неспособности усвоить важнейший и пророческий вывод, впервые сформулированный Людвигом фон Мизесом в 1920 году: социализм, независимо от того, насколько мудрым или ученым может быть Совет по планированию, не способен осуществлять экономический расчет. Поскольку социализм по природе своей лишен инструментов

расчета затрат и доходов, прибылей и убытков. По причине отсутствия частной собственности и, следовательно, подлинного рынка на средства производства (в том числе критически важного рынка титулов собственности на эти активы; т.е., фондового рынка). Мизес предупреждал, что социализм, который пытается запустить нечто напоминающее современную экономику, в буквальном смысле *невозможен* — за это слово его поносили десятилетиями, но оно, и это в настоящее время со всей ясностью доказано, было правильным. Примечательно, что ветеран экономист — марксист Роберт Хейлбронер не так давно нехотя признал свое поражение: «Оказалось, что Мизес, в конечном счете, был прав».

1. Robert Heilbroner, «After Communism», *rite New Yorker*, Sept. 10, 1990, p. 92.

И действительно, одним из самых удивительных и трогательных аспектов революции в Восточной Европе стало то, что революционеры выступают не только за свободу слова и демократию, не только за реформы. Но также и за полное свержение социализма, за радикальный, быстрый переход — посредством «шоковой терапии» - к частной собственности, к фондовым рынкам и к твердой валюте. К свободе рынков и предпринимательства. Это верно не только для Польши и стран Балтии, но, в частности, и для России, где правительственный кабинет Бориса Ельцина состоит из молодых, способных и преданных сторонников свободного рынка и частной собственности.

В этих ярких событиях также проявилась и последняя ошибка консерватизма: резкая враждебность по отношению к радикальным изменениям и к революции как таковой, как память о неоднозначных результатах Великой французской революции и о катастрофах коммунистических революций XX века. В движении к свободе радикальное изменение на самом деле может быть предпочтительнее, чем столь высоко почитаемая постепенность, «поэтапность» и все прочие оправдания малых дел или отсутствия всяких дел. Несмотря на очевидную неразбериху, последовавшую за радикальными изменениями, уничтожение хронически больной системы репрессий, этатизма и организованной преступности лучше произвести раньше, чем позже. Лучше, «раздавить гадину», чем

позволить ей выжить и дать ей возможность покалечить свободу и процветание.

Одним из поразительных аспектов революции 1989 г. стало то, что она происходила почти без применения насилия по отношению к правящей коммунистической элите. Я лично никогда не верил, что ненасилие может сработать в качестве революционного инструмента, кроме тех случаев, когда население вдохновлялось общегражданским или мощным религиозным движением: Ганди в Индии или шиитская революция 1979 г. в Иране (которая, прежде чем прийти к власти, была почти полностью ненасильственной). Марксисты всегда объясняли, что все революции в истории происходят по причине потери воли к власти — по той или причине — существенной частью господствующего класса. Очевидно, что к 1989 г. привела всеобщая и полная утрата веры в коммунистическое государство и в марксистско-ленинскую идеологию. По мере того, как система работала все хуже и хуже, даже на собственных условиях построения и планирования современного социалистического содружества, вера в идеологию и в систему постепенно исчезала, пока все нарастающий экономический кризис не привел всех — от правящей элиты до низов — на свалку. Это было равносильно тому, что войти в незапертую дверь — однажды человек, группа людей и вся страна вдруг поняли, что другой человек и другие группы людей тоже утратили веру в систему.

Если либертарианские идеи и, как мы надеемся, либертарианские институты вдруг станут процветать в бывшем «соцлагере», то каков будет их статус в странах Запада, в странах — «победителях» в холодной войне? Здесь ситуация не столь радостная. С распадом социалистического блока никто в США, независимо от того, на каком краю идеологического спектра он находится, больше не говорит о «социализме» или о «централизованном планировании», все разглагольствуют о важности «рынка». Но, к сожалению, притом, что старомодный социализм и централизованное планирование ушли в небытие, об этатизме и интервенционизме этого не сказать нельзя. Наоборот, интервенционизм процветает как никогда. В настоящее время популярна идея о том, чтобы сохранить рыночную оболочку, но извратить рынок во имя интервенционистских целей.

Новая интервенционистская угроза носит не строго экономический характер, хотя и в этой сфере все чаще звучат

призывы к «ре-регуливанию» тех или иных отраслей рыночной экономики. Катастрофический крах сбережений и кредитных организаций, спасение которых обойдется налогоплательщику в сотни миллиардов долларов (оценки меняются в большую сторону практически каждый месяц), привычно ставят в вину «дерегуливанию» и «рейгановскому климату жадности». Тогда как истинным виновником является вся система государственного страхования вкладов — важнейший элемент несостоятельной по самой своей сути банковской системы с частичным резервированием. Всеобщее незнание финансов позволяет альянсу демагогов — этатистов и агрессивному корпоративному истеблишменту объединиться и выдвинуть обвинение против финансиста Майкла Милкена и других трейдеров и банкиров в якобы преступной «инсайдерской торговле». (То есть, в извлечении выгоды из своих — больших, чем у других — знаний о рынке, что является атрибутом всякого успешного предпринимательства). Наложить на них огромные штрафы и даже заключить в тюрьму. Их *реальное* преступление состояло в том, что они пытались обеспечить финансирование предложений о поглощении, поступивших от предпринимателей, предлагавших уберечь акционеров корпораций от действий неэффективных менеджеров, которыми оказались члены старой гвардии корпоративного истеблишмента.

Однако настоящую интервенционистскую опасность в настоящее время представляют не непосредственно экономические аргументы, а «социальные» леваки, которые толкуют скорее о «моральности», нежели экономике, хотя их действия также могут повлечь серьезные экономические последствия. К сожалению, однако, экономисты — сторонники свободного рынка, число которых в университетах, в исследовательских центрах и в федеральном правительстве в последнее десятилетие умножилось, используют — как почти все экономисты со времен Рикардо — исключительно экономические и утилитаристские аргументы. В течение многих десятилетий, как утилитаристы, так и позитивисты, экономисты — сторонники свободного рынка избегали моральных аргументов: (а) на том ошибочном основании, что наука должна быть ценностно нейтральной и что, следовательно, они, как ученые не должны вовлекаться в этический дискурс, и (б) потому что, полагая, моральные аргументы суть «иррациональными» или не рациональными, они утверждают, что моральные аргументы не

способны кого-либо убедить. И все же, любому непредвзятому наблюдателю совершенно ясно, что моральные аргументы очень важны, и что они часто убеждают людей, какие бы позитивистские или утилитаристские аргументы не приводились в ответ. Но не только это: на попытку убедить кого-либо на утилитарных основаниях слушатель или читатель в ответ лишь пожмет плечами — да, вы правы, а потом этот слушатель или читатель вернется к собственным доводам. Но если вы убедите кого-нибудь в своей правоте посредством морального аргумента, то он или она станут на всю жизнь вашими активными и убежденными сторонниками.

Значительная часть «Этики свободы» посвящена аргументации в пользу этической концепции свободы прав собственности. Я утверждаю, что никакая общественно-политическая агитация, даже, казалось бы, «научная» - не может быть ценностно-нейтральной; никто не может избежать того, чтобы занять ту или иную этическую позицию. И, следовательно, гораздо лучше определить рамки этики четко и осознанно, вместо того, чтобы при анализе они протаскивались как контрабанда — по случаю и без анализа, как нечто само собой разумеющееся.

Поскольку сторонникам свободного рынка оставили арену этики, они тем самым допустили катастрофическую ошибку — позволив новому поколению левых и государственников оккупировать командные высоты морали и делать заявления о морали, на которые либертарианцы или консервативная оппозиция не отвечают. На предложения интервенционистов, даже самые дикие, их оппоненты — консерваторы и сторонники свободного рынка — отвечают только тем, что указывают дрожащей рукой на огромные экономические издержки политики.

Оставив командные высоты морали, оппозиция может вести только оборонительные, арьергардные бои. Предложения государственников, поначалу компромиссные, принимаются — по затратам, но затем на протяжении многих лет программы постоянно расширяются и набирают ход, и затраты со временем все увеличиваются.

В конце XIX века классические либералы и капиталисты свободного рынка точно так же уступили командные высоты морали растущей армии социалистов: они признали, что социализм — это замечательная нравственная «теория», хотя на самом деле она не смогла бы работать «на практике».

Социалистам оставалось лишь сказать: «Дайте нам шанс — дайте нам страну — и мы увидим, сможет ли то, что вы признаете идеальной теорией, действительно работать на практике». Еще в 1930-е годы советский коммунизм его попутчики на Западе называли «великим социальным экспериментом». Потребовалось восемьдесят лет катастроф, чтобы похоронить этот «эксперимент», признать его провалом и попытаться выбраться из-под его обломков.

Уточним. Есть три области, в которых левый этатизм, по крайней мере в США, захватил командные высоты морали, и с которых он совершает неожиданные набеги, практически не встречая сопротивления со стороны интеллектуалов или со стороны классов, в меньшей степени определяющих общественные настроения. Успешно клеймя любых оппозиционеров, называя ее фанатиками, зашоренными, эгоистичными, «бесчувственными» и невежественными, государственники сумели загнать всякую оппозицию в совершенно нереспектабельные маргинальные карманы: в группы, которые в США часто называют «rednecks» — деревенщина. Назовем эти три области нарастающей угрозы этатизма.

Первая — это то, что можно было бы назвать «групповым эгалитаризмом». В духе идеологии того, что писатель Джозеф Собран назвал «аккредитованная виктимология». Некоторые группы считают себя аккредитованными или официальными жертвами. Эти группы, их число постоянно растет, позиционируют себя в качестве жертв других групп — своих мучителей. И значит, государство обязано пролить на них дождь из богатства, занятости, статуса и бесчисленных привилегий за счет предполагаемых мучителей. По существу это ничто иное, как весьма причудливая форма компенсаций или репараций, поскольку: (а) мучители не причинили никому никакого личного вреда, из числа жертв от них тоже никто не пострадал. Они пользуются привилегиями или несут бремя потому, что подобные группы, возможно, были жертвами или мучителями в прошлом — иногда в далеком прошлом. Более того, (б) не установлена конечная дата подобных репараций, которые, как, по-видимому, предполагается, будут осуществляться бесконечно или, по крайней мере, до того момента, пока группы жертв не заявят о том, что они во всех отношениях «расквитались» с мучителями. Поскольку такое заявление должно быть сделано государственным «новым правящим классом», занятым в

системе широкомасштабного перераспределения (получая при этом, конечно, большой кусок в качестве «пошлины за обработку»), ясно, что такого заявления об окончательной победе, никогда сделано не будет.

В постоянно растущую категорию аккредитованных жертв в настоящее время входят: черные, евреи, азиаты, женщины, молодежь, пожилые, «бездомные», гомосексуалисты, и — самая недавняя категория — «люди с ограниченными возможностями». А среди мучителей остались гетеросексуальные белые мужчины среднего возраста, не инвалиды, христиане, проживающие в собственных домах.

Вторая государственническая угроза, которая, я уверен, даже слишком хорошо известна моим французским читателям: полный набор того, что идет под рубрикой «окружающая среда».

В 1982 г., когда была впервые опубликована «Этика свободы», основными проблемами были загрязнение воздуха и воды. Тогда я и другие экономисты-сторонники свободного рынка указывали на то, что загрязнение возникает из уже давно понятной неспособности государственных судов определять и защищать права собственности, и что эта проблема может быть решена лишь путем строгой демаркации прав собственности по воздуху и по воде.

2. В моей статье «Law, Property Rights, and Air Pollution», *Cato Journal* 2 Spring 1982): 55-99, reprinted in Walter Block, ed., *Economics and the Environment* (Vancouver: Fraser Institute, 1990), не только обсуждается сама проблема, но и развивается аргументация, поднятая в моей книге, где я пытаюсь выработать систематическую правовую основу для принятия на ее основе и соблюдения прав собственности

Однако с тех пор становится все более очевидным, что экологи никак не заинтересованы в решении проблемы загрязнения на основе прав собственности, они занимаются спасением различных неизвестных животных или чем-нибудь еще.

Экологами движет буквально античеловеческая идеология, сродни языческой религии или пантеизму, в которой человек считается чем-то самым низменным и самым презренным в природе.

Все объекты в мире — животные, растения, насекомые, деревья и даже пляжи и скалы — обладают приоритетными, по сравнению с человеческими, «правами». Основная посылка состоит в том, что до

появления человека все животные, растения, камни и т. д. — находились «в экологическом балансе»; мир пребывал в покое и гармонии, в метафорическом неизменном круге. Но потом явился человек, экспроприатор. В отличие от других существ или существностей в природе, человек не ограничивается и не довольствуется окружающей его средой. В зловещей манере человек посмел изменить и преобразовать свою среду, нарушив покой вековых кругов, привнес инфекцию роста и прогресса в метафору прямой линии. Таким образом, «экология», окружающая среда трагически и даже необратимо, была переделана и пришла в упадок.

Цель защитников окружающей среды — вернуть мир в правильное состояние, уменьшив масштабы мира до дочеловеческого, или хотя бы, насколько это возможно, приблизиться к этому идеалу. Иначе говоря, нарушить структуру производства и потребления или даже положить им конец, не говоря уже о росте и развитии. На этой доктрине, воистину порочной и античеловеческой, основан весь инвайронментализм, однако этот же подход явно проглядывается и в работах таких «глубоких экологов», как норвежский философ Арне Несс и действующей в США организации Earth First!

Все следовавшие один за другим приступы псевдонаучной истерии, поражавшие мир в последние годы — глобальное потепление (преемник «нового ледникового периода»); истощение ресурсов; кислотные дожди; озоновая дыра; надуманный «энергетический кризис»; плач по поводу старых лесов, северного оленя-карибу и пятнистой совы; приверженность средств массовой информации некоторым склонным к саморекламе левым ученым, в то время как без внимания остается огромное большинство реальных проблем — все это просто оружие в войне инвайронменталистов, которую они ведут против человеческого производства и потребления. И особенно против тех составляющих буржуазного комфорта, которые им особенно ненавистны, как, например, большие «неэкономичные» автомобили, меховые шубы, кондиционеры, пластиковые контейнеры, одноразовые подгузники и аэрозольные баллончики для дезодорантов и лака для волос.

В основе любой подлинной этики должно быть счастье и процветание человечества, поэтому особенно возмутительно видеть, как фундаментальный антигуманизм инвайронменталистов,

сумевших захватить командные высоты морали, никем не оспаривается.

Последний элемент этого нечестивой триады — набирающее силу новое течение левого пуританства. Как и старое пуританство, новая волна пытается искоренить человеческие удовольствия; разница заключается лишь в том, что нынешний диапазон посягательств гораздо шире прежнего, которые фокусировались на одном только сексе. Теперь любые формы наслаждения, которые хоть в какой-то степени могут угрожать здоровью, обязательно должны быть запрещены. Похоже, что цель новых пуритан состоит в том, чтобы объявить вне закона все виды деятельности, полезность которых для вас официально не подтверждена, или которые могут оказаться хоть сколько-нибудь рискованными. Такова и нынешняя истерия в США, направленная против табакокурения, которую суетливо разжигают левые, требуя репрессий в самом широком диапазоне — от общественного осуждения до институциональных и правовых норм и запретов.

Законы против курения в общественных местах сейчас повсеместны, как и законы против рекламы сигарет на радио и телевидении. Сухой снова закон вернулся в виде запрета на продажу алкоголя лицам в возрасте младше двадцати одного года или в виде запрета вождения автомобиля под воздействием алкоголя. Всеи известно об истерической криминализации наркотиков в США и США, кроме того, призывают или принуждают большинство других стран совместно двинуться в этот очевидно тщетный и контрпродуктивный крестовый поход.

В настоящее время все виды пищевых добавок объявлены вне закона, потому что их применение в огромных дозах в течение многих лет у нескольких крыс индуцировало рак. Масштабная социальная и государственная пропаганда, направленная против риска и в пользу «фитнеса», ясно указывает на то, что нынешним идеалом новых пуритан является мужчина или женщина, которые едят только здоровую сертифицированную (и, следовательно, безвкусную) пищу и тратит все его или ее время на тренировки на тренажерах (предпочтительно в закрытом помещении, потому что все, что делает человек на открытом воздухе, считается «осквернением среды»). Это полностью отвечает тому требованию, чтобы человек не производил и не потреблял слишком много,

поскольку «осквернение» есть неотъемлемая черта его деятельности.

Левое пуританство также хорошо сочетается с аккредитованной виктимологией, поскольку наблюдается рост социальных и даже юридических запретов на научные исследования или на какое-либо выражение мнений, могущих быть квалифицированными, как задевающие чувства или проявляющие «нечувствительность» по отношению к вышеназванным группам потерпевших. Этот запрет также явно распространяется на остроумные реплики и на юмор. В результате такого давления устная речь и печать в США стали заметно менее свободными и откровенными, однако заметно более серьезными, торжественными и скучными, как и всякий, кто пытается задушить свободу выражения мнений, не вписывающихся в новую ортодоксию. Единственно социально допустимая в настоящее время в США нелицеприятная и остроумная устная или письменная речь — та, что направлена против белого христианина мужского пола — то есть мучителя. Вот тогда такая речь считается оправданным выражением разочарования или многовековой ненависти, направленной против мучителей. Однако любое выражение гнева или настоящая откровенность и остроумие, направленная в адрес аккредитованных жертв, уважаемыми СМИ исключается. На самом деле, любые подобные выражения в кампусах колледжей являются в настоящее время буквально основанием для исключения — в которое теперь, по крайней мере, в университете штата Коннектикут, включено преступление «смеха по неуместному поводу». Если их не исключают, то эти студенты — преступники будут преданы в «классы перевоспитания». Жуткий и, вероятно, неожиданный отголосок старых советских «воспитательных центров».

Я убежден, что Франция, к счастью, не станет жертвой левых пуритан; по крайней мере, я не могу себе представить, француза, который откажется от вина и сигарет в погоне за сердечно-сосудистым совершенством.

Перейдем теперь от мира институций и мнений в мир теории. Отрадно, что с 1982 г. интерес к либертарианству среди экономистов и философов возрастал. Австрийская школа экономики с 1982 г. значительно усилила свои позиции, особенно после того, как был основан и успешно развивался институт имени Людвиг фон Мизеса, расположенный в университете города Оберн (штат

Алабама), и в котором издаются многочисленные книги, проводятся конференции и издается *Review of Austrian Economics*. В Великобритании, в отличие от США, и австрийская экономика, и либертарианская политическая теория уже добились признания в различных областях, так что нейтральные учебники начинают относиться к ним объективно и упоминают о них регулярно, как об одной из нескольких важных школ мысли в данной области. К сожалению, ни австрийская школа, ни либертарианство в США, хоть они и становятся все более популярными, пока не достигли такого критического уровня. Возможно потому, что ортодоксия здесь более укорененная или более brutальная.

Экономисты-сторонники свободного рынка, как отмечалось выше, все еще остаются на позициях ценностно нейтральных суждений, однако некоторые из них, как например лауреат Нобелевской премии Джеймс М. Бьюкенен, осторожно продвинулись к некоей форме *contractarianism*, который, казалось бы, позволяет им сохранять собственную позицию ценностной нейтральности, и при этом просто одобрять добровольные контракты других. К сожалению, в случае Бьюкенена и других, *contractarianism* склонился скорее в сторону циничного утилитаризма Гоббса, а не в сторону варианта Джона Локка, с его опорой на права собственности.

В другом случае в Великобритании, на европейском континенте и в США, социально-философские размышления сторонников свободного рынка в значительной степени пошли путаным путем Ф.А.Хайека, с его невнятными рассуждениями об «эволюционирующих правилах» и традициях. Хайек — яркий пример человека, который хочет обосновать свободный рынок на основе чего-то вне пределов простого утилитаризма, но который не верит ни в возможности рациональной этики, ни в божественное откровение. Как следствие, его продолжавшийся десятилетиями, и в итоге бесплодный поиск замены того, что в «Конституции свободы» однозначно формулировалось как общие и единые правила, независимо от содержания этих правил. В более поздних теориях Хайека этот идеал стал превращаться в ратификацию всех и всяческих сложившихся правил, перейдя на позицию крайнего традиционализма, мол «все, что просуществовало долго — это хорошо». И не только хорошо: поскольку Хайек считает, что человеческий разум не способен выработать этические или

политические правила, или на самом деле еще многое другое, эти эволюционирующие правила подлежат беспрекословному и неукоснительному выполнению. То, что это решение является неудовлетворительным, а также антилибертарианским, должно быть очевидным. Поскольку, в конце концов, систематическое убийство и воровство существовали многие и многие века. И поскольку о них тоже можно сказать, что они «успешно эволюционировали», как же кто-нибудь тогда сможет сказать, что они должны быть сокращены, не говоря уже об их запрещении?

В среде профессиональных американских философов книга Роберта Нозика 1974 г. «Анархия, государство и утопия» оказала освобождающее воздействие на эту дисциплину, поскольку широкий успех книги в академических кругах, в значительной степени определенный положением ее автора в Гарвардском университете, перевел обсуждение прав, свободы и сопутствующих проблем — впервые за последние несколько десятилетий — в разряд интеллектуальной моды.

Таким образом, Нозик поспособствовал решительному разрыву с предшествующей позитивистской аналитической традицией, господствовавшей в США, согласно которой, само обращение к этим темам вычеркивалась из философии как «бессмысленное» и презрительно отправлялось в раздел литературы или религии. Теперь философы могут писать курсовые работы, докторские диссертации или журнальные статьи по этим темам, без опасения быть высмеянными коллегами по профессии.

Однако с точки зрения либертарианской теории *содержание* книги Нозика не стало большим прорывом. В дополнение к его невятному и противоречивому оправданию минимального государства, Нозик просто допустил «права», без какого — бы то ни было их обоснования, и вместо разработки или систематического применения либертарианских прав, обратился к различным смежным примерам, углубился в головоломки и в отступления. Которые отражают как слабые, так сильные аспекты мышления Нозика, а именно: восхищаешься его виртуозной демонстрацией технических фокусов, а не поиском непротиворечивой и упорядоченной истины.

В то время как стиль Нозика хорош для достижения успеха в области профессиональной философии, книга «Анархия, государство и утопия», как это ни парадоксально, не оставила

неизгладимого следа в своей области. Одной из важных причин этого является тот факт, что, несмотря на то, что замечаниями или опровержениями работы Нозика журналы по философии и политической теории заполнялись в течение целого ряда лет, он не соизволил ответить ни одному из своих критиков или комментаторов. В дополнение к тому, что он и так разозлил многих философов, его постоянное молчание означало, что теориям Нозика долгая жизнь в профессии не суждена; к тому же, в отсутствие такого постоянного диалога или аргументации, Нозик не имел возможности воспитать последователей или учеников.

Причина молчания Нозика очевидна для любого, кто следил за его карьерой: после написания книги Нозик обратился к совершенно иным темам, не имеющим практически ничего общего с прежними. Аналогичным образом он каждый год читает совершенно новые и разные курсы, так что привлечь студентов — последователей для него — невозможно, как и основать школу мысли.

Наконец, в своей последней работе «Изучение жизни», Нозик явно отходит от либертарианства. Эта книга полна неопределенных и наставительных (пока еще технических) необуддистских размышлений о смысле жизни. Она по праву удостоилась града насмешек, как изнутри — со стороны профессиональных философов, так и извне. Характерно, что Нозик радикально переходит от либертарианства к апологетике государства всеобщего благосостояния и этике принуждения, даже не потрудившись объяснить этот переход и хоть как-то оправдать или разъяснить свою новую позицию или дать критическое опровержение своей прежней точки зрения. Имея в виду содержание книги «Анархия, государство и утопия», как, впрочем, и то, что было написано им позже, я не считаю отход Нозика от либертарианства такой уж большой потерей.

В то же самое время, хотя, отчасти и благодаря той двери, которую Нозик поначалу приоткрыл, в последние годы появилось много либертарианских философов. Дэвид Готье, Ян Нарвесон, Лорен Ломански, Генри Вейтч, Эрик Мак, Дуглас Ден Уйл, Дуглас Расмуссен, плодовитый Тибор Махан и видный юрист Ричард Эпштейн — много писали с позиций опирающегося на права либертарианства. К сожалению, Готье и Нарвесон являются сторонниками контрактов; Ломански верит в «социальные права» и потому вряд ли может считаться либертарианцем; Вейтч, этот

выдающийся правозащитник, лишь сочувствует либертарианству, не являясь его приверженцем. Наконец Эпштейн, в конце концов, лишь болтает о правах и самым решительным образом выступает за утилитарную чепуху. Мак, Ден Уйл, Расмуссен и Махан являются нео-Рэндианцами, которые, как и я сам, в своих философских основах являются сторонниками Аристотеля и сторонниками Локка в отношении прав. К сожалению, их влияние пока невелико.

Эти работы и многие другие вносят значительный вклад в либертарианскую литературу. Моя претензия, однако, заключается в том, что все эти авторы тратили свое время, создавали основу прав — утилитарную, контрактную, локковскую — какую угодно. Это увлекательное и весьма важное поле деятельности, но я не могу избавиться от мысли, (что характерно для философов), что слишком много времени было потрачено на споры относительно основ, без какой бы то ни было разработки конкретных приложений. Каковы есть или какими должны быть права собственности каждого человека, и что может считаться гражданским правонарушением или преступлением против таких прав?

Большая часть «Этики свободы» посвящена рассмотрению именно этого предмета. Кто чем владеет в либертарианском обществе, и как такое владение должно разрешаться? Каковы следствия самопринадлежности или присвоения прав собственности от использования природных ресурсов, не имевших ранее владельцев? И каково влияние этих прав собственности на сферу и даже на само существование государства как такового? Жаль, что ни один из вышеперечисленных авторов даже не попытаться поставить эти вопросы или ответить на них. Следовательно, никто из них не стал продолжателем дела таких политических теоретиков, как Локк и Герберт Спенсер. Очевидно, что, несмотря на рост популярности либертарианства в последнее десятилетие, еще многое предстоит сделать в области разработки и применения либертарианской теории. И, конечно, многое еще предстоит сделать в деле распространения либертарианской позиции и воплощения этих идей в общественных и во властных институтах по всему миру.